

*М. Б. Хомяков**

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

СЕТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ: ПРОГРАММЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА И СЕТЕВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Ключевые слова: интернационализация, проекты академического превосходства, массификация, глобализация, сетевой университет БРИКС, коммерциализация, академическая революция.

Текст «Сети интернационализации: программы академического превосходства и сетевые университеты» представляет собой концептуальную статью, посвященную сравнительному анализу подходов к интернационализации в университетах, которые присущи, с одной стороны, академическим проектам превосходства и, с другой стороны, сетевым проектам. В статье рассматриваются проблемы управления процессами интернационализации в вузе на примерах Проекта 5–100 как российской версии программы превосходства и сетевого университета БРИКС – новой сетевой инициативы университетского сотрудничества динамично развивающихся стран. Широко используя методы сравнительного анализа, автор приходит к выводу: проекты превосходства по своим основным задачам большей частью противоположны программам сетевого сотрудничества. Если задачей первых является интеграция в мировую академическую среду на условиях соответствия развития университета основным тенденциям ее развития, то главная цель международных сетевых университетов состоит, скорее, в поиске своего собственного места в мировой академической среде. Программы превосходства ориентированы на рейтинги, конкуренцию и мировые стандарты; сетевые университеты же – на выстраивание горизонтальных связей и решение особенных проблем региона. К таким заключениям автор приходит благодаря анализу процессов интернационализации в вузе с учетом так называемой «академической революции» – совокупности процессов массификации, глобализации и коммерциализации образования. Данные процессы ведут к развитию условий транснационального образовательного капитализма. С точки зрения автора статьи программы академического превосходства способствуют включению отдельных стран в эти процессы, тогда как проекты сетевых университетов посвящены поискам альтернативных подходов. Подобный сравнительный анализ проводится в литературе впервые. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении глобальных тенденций в развитии образования.

Введение: комментарий к академической революции

Сегодня практически общим местом многих работ, посвященных современному состоянию университетского образования, стали рассуждения о «революции», переживаемой академическим миром. Речь идет о совокупном действии четырех процессов, определяющих собой радикальные изменения университетской среды: массификации, коммерциализации, глобализации и интернационализации [1]. В сущности, эти четыре характеристики описывают с разных сторон какой-то один глобальный процесс, одну сущностную трансформацию. В самом деле, высшее образование становится все более массовым и привлекает все большее число коммерческих студентов, в том числе и из-за рубежа. В то же время ориентированные на получение дохода университеты превращаются, по сути, в транснациональные корпорации, массово обучающие студентов

из самых различных стран. С какой бы из этих тенденций мы ни начинали рассмотрение нашего предмета, логика неизбежно приведет нас к трем остальным, чем демонстрируется неслучайный характер их соединения друг с другом.

Названные выше четыре характеристики в совокупности, очевидно, описывают неолиберальную трансформацию высшего образования [2, р. 396], в результате которой оно перестает восприниматься как важное общественное благо (public good), превращаясь в предмет брендинга и продажи [3, р. 11; 4; 5, р. 523]. Недаром в последнее десятилетие получил такое бурное развитие новый частный бизнес международных академических рейтингов (по образу и подобию инвестиционных экономических рейтингов), далее усиливающий коммерческую ориентированность университетов, превращая их в подлежащие оценке бренды. Логика общего блага заменяется логикой бренда, а всестороннее (по Гумбольдту) развитие индивидуальных способностей

* *Хомяков Максим Борисович* – доктор философских наук, профессор, проректор по международным связям Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; 8 (343) 350–77–88; Maksim.Khomyakov@urfu.ru.

студентов – оказанием «образовательных услуг». Возникает феномен «образовательного капитализма», угрожающего существованию некоммерческих ценностей, поскольку, конечно, «как только рынок касается сфер жизни, традиционно управляемых нерыночными нормами, сама идея о том, что рынок не затрагивает или не пятнает благ, которыми они обмениваются, становится невероятной» [6, р. 114]. Становясь же коммерческими предприятиями, университеты, как видим, перестают выполнять какие-то важные социальные функции [6, р. 203].

Интернационализация является одной из ярких характеристик этого процесса. Взрывной рост населения в возрасте 18–24 лет в таких странах, как Нигерия, Индия, Эфиопия, Индонезия, Кения, Филиппины, Иран, Пакистан, Ангола и Непал, делают их потенциально весьма привлекательными рынками для привлечения иностранных студентов. Конечно, до сих пор большинство иностранных студентов в мире происходит из Китая, Индии и Южной Кореи (более 25% всех иностранных студентов), что объясняется значительной численностью среднего класса, способного позволить себе обучение детей за границей [7]. Вместе с тем совокупное действие факторов увеличения населения определенной возрастной группы, нехватки (либо низкой репутации) национальных университетов и постепенного роста доли среднего класса все больше заставляет молодое поколение из названных выше стран искать коммерческого образования за границей. Академическая неолиберальная революция тем самым усиливает различия Глобального Севера и Глобального Юга.

Все это неизбежно трансформирует высшее образование, заменяя национальный характер существующего на средства налогоплательщиков университета транснациональностью, массово привлекающей иностранных студентов образовательной корпорации. Интернационализация и глобализация высшего образования, таким образом, далее подрывают статус университета как создателя и транслятора некоторого «общественного блага» хотя бы потому, что более становится невозможно указать на то «общество», «благом» в котором является предоставляемое университетом образование. Поскольку в дальнейшем трудно обосновать обучение большого числа иностранных студентов на средства налогоплательщиков, университет отправляется в более-менее свободное плавание по неверному морю международного рынка. Так интернационализация и коммерциализация усиливают друг друга. В результате во многих государственных (public) университетах США

государственное финансирование, например, не превышает 20%, что окончательно размывает границу между частными и государственными высшими учебными заведениями [1, р. 14].

Еще одним показателем совершающейся академической революции является рост так называемого «открытого» образования. Будучи, с одной стороны, действительно инклюзивным, развитие онлайн-образования способствует дальнейшему захвату рынка небольшим числом успешных транснациональных университетов. Массовые открытые курсы (MOOCs), мощнейший инструмент такого захвата, ставят новые технологии на службу формирующимся транснациональным образовательным монополиям. Хотя радикального вытеснения очного образования «открытым» ожидать не стоит, очевидно, что традиционные образовательные центры в США или Великобритании получают значительную фору в конкуренции открытых курсов, опираясь на уже сложившуюся репутацию и узнаваемый бренд университетов-разработчиков.

Эти вводные замечания призваны указать на те измерения интернационализации и академической революции, которые обыкновенно упускают из виду оптимистически настроенные аналитики: консолидацию мирового академического «рынка»; жесткую конкуренцию не только отдельных университетов, но и стран, их образовательных систем; замену национально-ориентированных подходов транснациональным коммерческим образованием; постепенное исчезновение самого понятия образования как общего блага и связанное с этим обострение конкуренции университетов за ресурсы (как материальные, так и человеческие) не только на международной арене, но и внутри отдельных стран. Иными словами, интернационализация и глобализация сопутствуют процессам становления транснационального неолиберального образовательного капитализма. Университеты и образовательные системы,ывавшие сознательное неучастие в этой гонке, обречены на проигрыш; впрочем, то же касается и тех, кто, несмотря ни на что, пытается участвовать в ней.

Университетские сети: на пути к транснациональному образованию

Образование не пребывает в башне из слоновой кости, оно разделяет судьбу общества и готовит людей к этой судьбе. В неолиберальном мире транснациональных корпораций, в мире пост-колониальном и нео-империалистическом

образование, конечно, не могло остаться прежним. Стирающая границы мощь новых технологий, становление нового пост-индустриального уклада, развитие транснациональной экономики знаний, наконец, политический кризис национальных суверенитетов и старых как би-, так и монополярных моделей мирового устройства – все это отразилось, как в зеркале, в процессах трансформации образования. Национальное образование в эпоху транс-национализма кажется неподвижной роскошью.

Во многом именно с этим выходом образования за национальные границы связан и кризис гуманитарных наук, которые как раз глубоко национальны. В конце концов, литературы или истории, несмотря на тесные свои связи с *другими литературами или историями*, являются литературами и историями определенного народа, выражают себя на определенном языке и ограничены (конечно, сконструированными, но вполне объективными) географическими пределами. Более того: поскольку демократия, например, вещь несуществующая вне границ национального государства, традиционные модели гражданского образования (*civic education*) оказываются также невосстребованными в транснациональном мире. Язык, литература, история, государственное устройство оказываются здесь полезными лишь в рамках общего страноведения (как элемент знания о *doing business in...*) либо же в рамках технологического (компьютерного, например) образования. В целом же доминантой нового образования оказываются высокие технологии и фундаментальные естественные науки как их основа. Не случайно правительство Японии, к примеру, не так давно рекомендовало университетам не тратить ресурсы на гуманитарные и социальные науки, закрыв соответствующие факультеты [8].

Таким образом, транснациональное технологическое образование – новая образовательная нормальность поздней модерности. Именно о его интернационализации сегодня чаще всего говорится, именно оно является фокусом различных программ превосходства в самых разных странах – от «*Excellence Initiative*» в Германии до Проекта 5–100 в России. Эти программы повсеместно – и притом вполне в духе господствующего неолитерализма – ориентированы на «повышение глобальной конкурентоспособности», захват определенной доли мирового образовательного рынка, повышение репутации и привлекательности образовательных систем. В связи с этим интернационализация является одной из центральных стратегических задач данных программ и проектов.

Естественным образом в этой новой образовательной реальности все большую роль начинают играть различные масштабные сети и университетские консорциумы. Если в научных исследованиях формирование таких сетей очень часто диктуется сложностью задач и дороговизной необходимого для их решения оборудования (как в случае Большого адронного коллайдера, например), то в образовании университетские сети воплощают в себе реалии транснационального образования. Эти сети могут быть оформлены в виде особых университетских ассоциаций (часто – ассоциаций международного образования) либо в виде международных образовательных консорциумов нескольких университетов. Если первые чаще всего включают в себя большое количество институтов, не подразумевают строгих критериев членства и воплощают в себе властные отношения современного образовательного мира (различия Глобального Севера и Глобального Юга, например), то вторые представляют собой относительно закрытые сообщества университетов, созданные специально для осуществления конкретного международного проекта. Примером первых являются хорошо известные глобальные ассоциации международного образования EAIE, APAIE или NAFSA, примером вторых – консорциумы проектов «*Erasmus Mundus*» и «*Erasmus Mundus Plus*».

Крупные конференции (выставки Ассоциаций международного образования) региональны только по имени (EAIE – Европа, APAIE – Азия и NAFSA – Америка). На деле большинство из них представляют собой площадки организации отнюдь не равного университетского сотрудничества, но установления отношений между университетами Глобального Севера и Глобального Юга для организации потоков талантливых студентов из вторых в первые. Конечно, эти площадки используются и для организации горизонтальных отношений между университетами развивающихся стран. Все же одной из главных целей такого рода мероприятий является пропаганда опыта ведущих центров образовательной власти ради контроля как над финансовыми, так и человеческими ресурсами в образовании. Именно поэтому на конференциях NAFSA, например, нисколько не меньше азиатских участников, чем на выставках и конференциях APAIE. Пост-колониальное (или даже *неоколониальное*) различие образовательного Севера и Юга здесь весьма очевидно [9, p. 559].

Университетские консорциумы, создаваемые для реализации совместных образовательных

проектов, более сбалансированные и подразумевают относительное равноправие участников, особенно когда речь идет о сотрудничестве университетов Глобального Севера (включая Новую Зеландию и Австралию, но исключая Россию) между собой. Если же в проектах «Erasmus Plus» появляются партнеры из развивающихся стран, здесь сразу же возникают неизбежные диспаритеты и разрывы: потоки мобильности направляются главным образом на Север, а северные образовательные модели предлагаются для использования на Юге. Консорциумы и ассоциации вне всякого сомнения содействуют интернационализации университетов и их интеграции в международную академическую среду. Современный мир однако устроен так, что часто эта интеграция оборачивается дальнейшим вытеснением на периферию мирового образовательного рынка.

В транснациональном образовании сегодня имеются очевидные центры силы, фокусы притяжения, репутационные узлы, вокруг которых выстраивается международная образовательная система. Сети, консорциумы и ассоциации делают эту систему возможной. Как любой институт, они одновременно и воплощают в себе основные ограничения этой системы, и дают возможность трансцендировать ее границы. Сетевая интернационализация одновременно способствует потоку талантов из одних университетов в другие и позволяет некоторым из прежних аутсайдеров поменять свой статус на более высокий. Более горизонтальным образом устроенные консорциумы при этом конституируют самую образовательную транснациональность, формируя единое, чаще всего региональное, образовательное пространство [10].

Характерно, что это единое образовательное пространство существует главным образом в развитых странах Глобального Севера. Именно здесь получили наибольшее распространение формальные и неформальные университетские сети; для этих университетов международная академическая среда – это именно повседневная среда обитания, а не искусственно насаждаемая реальность. Поскольку в развивающихся странах Юга образование чаще всего остается национальным, интернационализация здесь будет практически неизбежно означать нео-колониальное подчинение сложившимся центрам академической власти. Участие в международных академических сетях для университетов развивающихся стран тем самым означает как новые возможности, так и дальнейшее подчинение доминирующим международным образовательным центрам.

БРИКС: новые университетские сети для новой концепции развития?

БРИКС как клуб сильнейших стран Глобального Юга (или – чтобы не включать в состав Юга арктические российские регионы – стран динамично развивающихся (emerging) экономик) подразумевает гораздо большее равноправие, чем другие клубы и объединения (включая нео-колониальное СНГ или пост-колониальную ШОС). При этом, претендуя на то, чтобы дать альтернативу сложившимся центрам власти, БРИКС просто обречен на поиск концептуального основания для такой амбиции. Иными словами, для того, чтобы действительно стать альтернативой, БРИКС должен предложить миру что-то такое, чего не могут дать уже существующие международные клубы, сети и организации. Понятно, что для этого союз БРИКС должен как-то противопоставить суверенитет – безудержному транснационализму, равенство – пост-колониальным отношениям господства и подчинения, развитие – империалистическому доминированию и т. д.

Это чрезвычайно сложно хотя бы потому, что БРИКС создавался как политический и экономический клуб стран, основанный на *прагматическом*, а не *нормативном* консенсусе. Иначе говоря, задачи БРИКС всегда носили узкопрагматическую направленность (борьба с последствиями экономического кризиса, обеспечение безопасности, создание условий устойчивого развития и пр.), не подразумевали насаждения общих ценностей или нормативных институциональных моделей, таких как демократия, права человека и т. д. Чисто прагматическому объединению, однако, нечего сказать миру – и некоторые общие нормативные подходы должны были с неизбежностью возникнуть, как только зашла речь о БРИКС как об альтернативном мировом порядке.

Такую новую нормативность увидели в некоторой особой («новой») концепции развития. Эта концепция легла в основу наименования банка БРИКС «новым банком развития» (НБР), а также послужила предметом ряда разработок экспертов Фуданского университета [11, 12]. Шанхайские ученые противопоставляют развитие, предлагаемое БРИКС, развитию колониальному и имперскому как игру с ненулевой суммой, основанную на взаимовыгодном сотрудничестве (win-win cooperation). Новая концепция развития характеризуется триадой равенства, автономии и устойчивости (equality, autonomy, sustainability). «Инклюзивная соревновательность» (inclusive competition), основанная на признании разности

интересов различных стран, является, по мнению экспертов из Шанхая, ключевой компонентой такой новой концепции развития [11, p. 2].

Главными составляющими идеи «инклюзивного» развития является, во-первых, ее горизонтальность, равенство, основанное на безусловном уважении суверенитета; и, во-вторых, взаимовыгодный, принципиально не-империалистический его характер. Реальность, конечно, может оказаться весьма далекой от этих прекраснотных моделей, но именно подобные нормативные конструкты определяют *идеологию* альтернативности, которую пытается сегодня предложить БРИКС. Недаром новизну банка развития БРИКС видят в «трех ключевых идеях» – «сотрудничестве Юга с Югом (south-south cooperation)», «равенстве в разделении власти (equity in power-sharing)» и «устойчивом развитии (sustainable development)» [13].

Однако никакое устойчивое социальное и экономическое развитие невозможно без соответствующего прогресса науки и технологий. И то и другое – и социальное, и технологическое развитие – основано на развитии человеческого капитала, немыслимого без качественного высшего образования. Начав с экономического сотрудничества и безопасности, «прагматический консенсус» БРИКС, таким образом, с необходимостью начинает обращать внимание на образование и науку. Недаром ряд предложений для реализации «новой концепции развития» у китайских экспертов включает в себя не только различные идеи по внедрению новых подходов к свободной торговле в БРИКС, но и учреждение конференции молодых предпринимателей, и развитие проекта Лиги университетов БРИКС, и даже создание Академии наук БРИКС [11, p. 7].

Конечно, университетского сотрудничества в рамках БРИКС на сегодняшний день практически не существует. В любой из этих пяти стран доля статей, опубликованных в соавторстве с учеными из любой другой страны БРИКС, не превышает на сегодняшний день 3% от общего числа научных публикаций данной страны. Значительное различие национальных систем образования делает сравнение подходов к высшему образованию в странах БРИКС настолько затруднительным, что позволяет некоторым авторам утверждать нерелевантность БРИКС для целей аналитики в этой области [14]. Из этого однако не следует, что реальное сотрудничество между университетами стран БРИКС не может быть запущено при наличии, конечно, достаточной политической воли и организационной энергии.

Такое сотрудничество, основанное на идеях новой концепции развития, было действительно инициировано в проекте Сетевого университета БРИКС (СУ БРИКС), который, несмотря на сходство наименования, принципиально отличается как от Сетевого университета ШОС, так и от Сетевого университета СНГ. Во-первых, в СУ БРИКС не предполагается создания постоянного ректората или какой-либо штаб-квартиры, что прямо связано с идеей радикального равенства участвующих в проекте сторон. Управление осуществляется коллективным Международным управляющим советом (МУС), оперативное руководство которым осуществляет представитель страны-председателя БРИКС, меняющейся, как известно, ежегодно. В МУС СУ БРИКС входят по три представителя от каждой страны-участника, при этом все решения принимаются не путем голосования, а на основе консенсуса. На уровне отдельных стран руководство проектом осуществляют национальные координационные комитеты, состоящие из представителей университетов-участников и министерств образования соответствующих стран. Наконец, содержательная работа ведется в шести международных тематических группах, образованных из работающих в рамках того или иного приоритетного тематического направления представителей университетов-участников.

Число групп, таким образом, определяется числом приоритетных направлений, к которым первоначально были отнесены: исследования БРИКС, экономика, компьютерные науки и информационная безопасность, экология и изменения климата, энергетика, а также водные ресурсы и очищение загрязнений. С точки зрения участников проекта эти темы так или иначе коррелируют с новой концепцией развития и представляют интерес для всех стран БРИКС. Приоритеты в области экологии и водных ресурсов связаны с *условиями устойчивого развития*, энергетика описывает один из важнейших его *ресурсов*, компьютерные науки фокусируются на важнейшем из *технологических направлений устойчивого развития*, а экономика и исследования БРИКС описывают *глобальный и национальный контекст реализации* этих идей. В будущем, безусловно, число приоритетных направлений может изменяться, как и количество университетов, входящих в сеть (на нынешний момент их всего 55).

Интересно, что помимо новой концепции развития, широкую методологическую базу для образовательных и научных проектов БРИКС составляют концепции множественных модерностей [15, 16]. В отличие от идей модернизации,

в рамках которых современная трансформация обществ понимается как реализация определенного набора «современных» институтов, как более-менее прямой путь к заданному идеалу и как в конечном счете вестернизация (или даже американизация) мира, концепции множественных модерностей видят в современности «опыт и интерпретацию» условий модерности, осуществляемых каждым народом исходя из своего собственного исторического опыта и своего собственного места в пространстве и времени. Иными словами, по этой теории у США, Западной Европы, России, Китая, Бразилии, Индии или Южной Африки – свой собственный способ быть современным обществом, свой собственный ответ на вопросы модерности, своя собственная интерпретация пути в современном мире. Такое понимание модерности вкупе с новой теорией развития открывает БРИКС возможность поиска альтернативных способов мироустройства, в том числе и в сфере высшего образования [17].

Итак, деятельность СУ БРИКС, согласно меморандуму о взаимопонимании, подписанному министрами образования стран-участниц [18], будет заключаться в разработке и реализации совместных образовательных программ продвинутого уровня обучения (магистратуры и аспирантуры) по шести приоритетным тематическим направлениям. Соответствующие международные тематические рабочие группы в настоящее время ведут работу по созданию этих образовательных программ, первые студенческие обмены в рамках которых должны состояться уже в первом семестре 2017/2018 учебного года.

СУ БРИКС отличает равноправие участников в горизонтально выстраиваемых отношениях. В этом смысле такой университет представляет собой эксперимент над новой концепцией развития: успех этого проекта может стать яркой демонстрацией состоятельности нового понимания развития. Трудности здесь, конечно, многочисленны.

Во-первых, непонятно, как сможет обойтись (даже и на первом этапе) Сетевой университет без ректората, штаб-квартиры и даже секретариата. С одной стороны, распределенность власти и консенсусный характер принимаемых решений отличает СУ БРИКС от похожих проектов, в том числе и так называемой университетской Лиги СУ БРИКС, которая формируется вокруг Пекинского нормального (педагогического) университета. С другой стороны, какие-то функции секретариата и штаб-квартиры СУ БРИКС в настоящий момент все же выполняет Уральский федеральный университет (на правах организатора запуска

проекта). Речь идет, например, о создании и поддержке сайта, о продвижении сетевого университета в международном академическом сообществе, о внедрении корпоративного стиля и пр. Как эта система будет функционировать в дальнейшем – при принципиальном равенстве сторон и ежегодной смене председателя международного управляющего совета – вопрос, который, по-видимому, какое-то время останется открытым.

Во-вторых, равноправие и отсутствие явно выраженного центра неизбежно приводят и к проблемам в области финансового обеспечения проекта. На сегодняшний день, в соответствии с учредительными документами, участников СУ БРИКС поддерживают национальные министерства образования. При этом, безусловно, как скорость принятия решений, так и объем выделяемых на проект средств в высокой степени различаются от страны к стране. Бразилия, например, уже выделила ресурсы на разработку и реализацию новых программ, тогда как инициатор проекта, Российская Федерация, все еще ищет возможные каналы поддержки этой деятельности. Несмотря на то что Китай пока не слишком активен в рамках сети, бюджетные возможности этой страны, конечно, превышают совокупные возможности остальных стран БРИКС. В области финансирования Сетевой университет БРИКС, очевидно, разделяет проблемы клуба БРИКС в целом: диспаритеты в развитии экономик, различия в национальных законодательствах и пр. затрудняют реализацию проекта.

В-третьих, различия образовательных систем стран БРИКС сильно затрудняют поиски приемлемых компромиссов при разработке образовательных программ. Если в Китае, например, имеются значительные трудности с признанием результатов дистанционного образования, то Бразилии в силу особенностей национального законодательства сложно отправить в зарубежные стажировки студентов магистратуры. Возможность использования традиционного ресурса России – бюджетных квот для иностранных студентов – была поставлена под сомнение последними решениями Россотрудничества и Министерства образования и науки Российской Федерации, отменившими эксперимент в области так называемого «преимущественного права» ведущих университетов России самостоятельно набирать иностранных студентов.

В мире существуют удачные примеры относительно равноправного участия целого ряда стран в крупных образовательных проектах. Наиболее ярким, вероятно, является

пример Института Европейского университета во Флоренции (Италия), который напрямую поддерживается странами-членами как через гранты, выделяемые аспирантам, так и через финансовую поддержку определенного числа преподавательских позиций. Однако будучи реальным (а не сетевым, в этом смысле виртуальным) учебным заведением, ИЕУ являет собой успешный пример университета, созданного в рамках *единого образовательного пространства* ряда стран. Задачи строительства такого пространства перед странами БРИКС не стоит, а страны СНГ слишком неравномерно развиты для паритетного участия в подобного рода проектах.

Это означает, что в преодолении имеющихся трудностей у СУ БРИКС нет реальных предшественников и весь опыт этому пилотному проекту приходится набирать самостоятельно. Ситуация при этом довольно сильно осложняется политическими, экономическими и социальными катаклизмами, периодически сотрясающими страны БРИКС, вошедшие в эпоху потрясений и нестабильности из относительно спокойного предшествующего периода ускоренного развития. Политические перемены в Бразилии, связанные с импичментом Президента; массовые студенческие волнения, в ряде случаев переходящие в насилие, в университетах ЮАР; необходимость соблюдения режима экономии в российских высших учебных заведениях – все это еще более затрудняет осуществление амбициозных планов строительства стабильно функционирующей сети академических обменов между странами БРИКС.

Многое здесь, конечно, зависит от реальной политической воли. В конце концов, большинство трудностей уже удалось успешно преодолеть на этапе запуска проекта: за полтора года СУ БРИКС из довольно сырой идеи получилось превратить в реально действующую международную организацию. Недаром в Декларации последнего саммита БРИКС лидеры пяти стран выразили удовлетворение «прогрессом Сетевого университета БРИКС» [18]. Нерешенных пока задач однако все еще остается гораздо больше. Мы видели, что во многом от успеха в их решении зависит сегодня судьба новой концепции развития и, шире, идеи альтернативности БРИКС в существующем на сегодняшний день мировом порядке.

Заключение

Предлагаемая БРИКС университетская сеть в самой идее своей является уникальной. В отличие от имеющихся международных академиче-

ских сетей здесь делается попытка организации горизонтальных – Юг к Югу – взаимосвязей. Под Югом понимается не столько соответствующая сторона света, сколько развивающийся мир, исключенный из внутренних равноправных коммуникаций Севера. С этой точки зрения СУ БРИКС является не продолжением, а, скорее, противоположностью проектов академического превосходства вроде российского Проекта 5–100. В самом деле, если проекты «повышения конкурентоспособности» направлены на интегрирование в мировую Академию и на повышение узнаваемости, репутации университетов в рамках системы, безусловной доминантой которой являются образовательные системы Глобального Севера, проект СУ БРИКС ориентирован на выстраивание горизонтальных связей между университетами сети вне всякого отношения к доминирующим центрам мировой академической власти. В системе, правила действия которой задаются извне, университеты стран БРИКС вполне могут повысить свою относительную конкурентоспособность, но не могут в обозримом будущем претендовать на какое-либо равенство со сложившимися центрами. В строительстве же сети равноправных университетов-участников предпринята попытка создания альтернативной модели международного образования со своими собственными правилами.

Все страны БРИКС в настоящий момент делают и то и другое – пытаются отвоевать себе лучшее место в мировой табели о рангах и стараются участвовать по мере сил в строительстве альтернативного порядка. Это видно и в экономике, где создание Нового банка развития не отменяет участия стран БРИКС в других многосторонних финансовых инструментах развития, включая Всемирный банк и Международный валютный фонд; это видно и в образовании, где создание СУ БРИКС сопровождается участием ведущих университетов этих пяти стран как в трансевропейских проектах «Erasmus Plus», так и в различных национальных схемах мобильности (наподобие программы «Science without borders» в Бразилии) или проектах повышения конкурентоспособности типа российского Проекта 5–100.

Проблема не в параллелизме этих двух типов проектов, они оба необходимы в современном мире, но проблема состоит в том, что пока интеграционные проекты являются гораздо более успешными и намного лучше финансируемыми, нежели альтернативные программы типа СУ БРИКС. Постепенно однако приходит понимание того, что горизонтально организованные сети развивающихся стран могут внести свой

вклад как в международное продвижение университетов-участников, так и, что важно, в решение особенных проблем особенных обществ поздней модерности.

Список литературы

1. *Altbach P., Reisberg L., Rumbley L.* Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. Paris: UNESCO, 2009. 246 p.
2. *Khomyakov M.* Building a World-Class University and the Role of University Ranking: A Russian Case, in: Downing K., Ganotice F., World University Rankings and the Future of Higher Education, IGI-Global, 2016, pp. 393–419.
3. *Hazelkorn E.* Rankings and the Reshaping of Higher Education: The Battle for World-Class Excellence. London: Palgrave MacMillan, 2011. 259 p.
4. *Rhoads R. A., Li S., Ilano L.* The Global Quest to Build World-Class Universities: Toward a Social Justice Agenda, *New Directions for Higher Education*, 2014, no. 168, pp. 27–39.
5. *Dill D. D., Soo M.* Academic quality, league tables, and public policy: A cross-national analysis of university ranking systems, *Higher Education*, 2005, no. 49 (4), pp. 495–533.
6. *Sandel M.* What money can't buy. The moral limits of markets. London: Allan Lane, 2012. 256 p.
7. The state of international student mobility in 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://monitor.icef.com/2015/11/the-state-of-international-student-mobility-in-2015/> (дата обращения: 23.07.2016).
8. Japanese government asks universities to close social sciences and humanities faculties [Электронный ресурс]. URL: <http://monitor.icef.com/2015/09/japanese-government-asks-universities-to-close-social-sciences-and-humanities-faculties/> (дата обращения: 23.07.2016).
9. *Pusser B., Marginson S.* University Rankings in Critical Perspective, *The Journal of Higher Education*, 2013, no. 84(4), pp. 544–568.
10. EHEA: European Higher Education Area and Bologna Process [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehea.info/> (дата обращения: 23.07.2016).
11. Win-win Cooperation: New Development Concept for BRICS Partnership, Center for BRICS Studies, FDDI, Fudan University, 2015. 8 p.
12. *Fan Y.* New Concept for Development: the Logic behind Emerging Economies' Cooperation, InBRICS, Ekaterinburg, 2016, pp. 3–12.
13. *Ruchoudhury S. and Vasquez K. C.* What is New about the BRICS-led New Development Bank? (2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.devex.com/news/what-is-new-about-the-brics-led-new-development-bank-88126> (дата обращения: 30.11.2016).
14. *Altbach Ph. G., Basset R. M.* Nix the BRICs – at Least for Higher Education Debate, *International Higher Education*, 2014, no. 77, pp. 2–5.
15. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity Press, 2008. 296 p.
16. Eisenstadt S. *Antinomien der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 152 p.
17. *Wagner P., Karagiannis N., eds.* Varieties of World-Making. Liverpool University Press, 2007. 304 p.
18. Memorandum of Understanding on Establishment of the BRICS Network University [Электронный ресурс]. URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/documents/MoU_SU_BRICS.pdf (дата обращения: 30.11.2016).
19. Goa Declaration at 8th BRICS Summit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27491/Goa+Declaration+at+8th+BRICS+Summit> (дата обращения: 30.11.2016).

DOI 10.15826/umj.2016.106.057

*M. B. Khomyakov**

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

INTERNATIONALIZATION NETWORKS: ACADEMIC EXCELLENCE PROGRAMS AND NETWORK UNIVERSITIES

Key words: internationalization, academic excellence projects, massification, globalization, BRICS network university, commercialization, academic revolution.

The text «Internationalization Networks: Academic Excellence Programs and Network Universities» is a conceptual article devoted to a comparative analysis of approaches to internationalization of the universities that are on the one hand typical of academic excellence programs and on the other hand of network projects. The author looks into the challenges of managing internationalization process at the university using the example of 5–100 Project as a Russian version of academic excellence program and BRICS Network University as a new network initiative of university cooperation in dynamically developing countries. Widely used methods of comparative analysis help the author to conclude that excel-

**Maxim B. Khomyakov* – Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Vice-President for International Affairs, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; 51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation; +7 (343) 350–77–88; Maksim.Khomyakov@urfu.ru.

lence projects largely contradict network cooperation programs. The task of the former is to integrate university into international academic environment, so that university follows the main trends of this environment development, the aim of international network universities is to find their own place in an international academic environment. Excellence programs are oriented towards ratings, competition and international standards while network universities emphasize horizontal connections and solving peculiar regional problems. Author's conclusions are based on the analysis of university internationalization processes in the context of what is called "academic revolution" in this article: combination of massification, globalization and commercialization. According to the author's opinion, these processes lead to the development of transnational educational capitalism. The author believes that academic excellence programs facilitate inclusion of countries into these processes, whereas network university projects are oriented towards searching for alternative solutions. This is the first time such an analysis is conducted. The results of the article can be used in further research into global trends in education development.

References

1. Altbach P., Reisberg L., Rumbley L. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. Paris: UNESCO, 2009. 246 p.
2. Khomyakov M. Building a World-Class University and the Role of University Ranking: A Russian Case, in: Downing K., Ganotice F., *World University Rankings and the Future of Higher Education*, IGI-Global, 2016, pp. 393–419.
3. Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education: The Battle for World-Class Excellence. London: Palgrave MacMillan, 2011. 259 p.
4. Rhoads R. A., Li S., Ilano L. The Global Quest to Build World-Class Universities: Toward a Social Justice Agenda, *New Directions for Higher Education*, 2014, no. 168, pp. 27–39.
5. Dill D. D., Soo M. Academic quality, league tables, and public policy: A cross-national analysis of university ranking systems, *Higher Education*, 2005, no. 49 (4), pp. 495–533.
6. Sandel M. What money can't buy. The moral limits of markets. London: Allan Lane, 2012. 256 p.
7. The state of international student mobility in 2015, available at: <http://monitor.icef.com/2015/11/the-state-of-international-student-mobility-in-2015/> (accessed 23.07.2016).
8. Japanese government asks universities to close social sciences and humanities faculties, available at: <http://monitor.icef.com/2015/09/japanese-government-asks-universities-to-close-social-sciences-and-humanities-faculties/> (accessed 23.07.2016).
9. Pusser B., Marginson S. University Rankings in Critical Perspective, *The Journal of Higher Education*, 2013, no. 84(4), pp. 544–568.
10. EHEA: European Higher Education Area and Bologna Process, available at: <http://www.ehea.info/> (accessed 23.07.2016).
11. Win-win Cooperation: New Development Concept for BRICS Partnership, Center for BRICS Studies, FDDI, Fudan University, 2015. 8 p.
12. Fan Y. New Concept for Development: the Logic behind Emerging Economies' Cooperation, *InBRICS*, Ekaterinburg, 2016, pp. 3–12.
13. Ruchoudhury S. and Vasquez K. C. What is New about the BRICS-led New Development Bank? (2016), available at: <https://www.devex.com/news/what-is-new-about-the-brics-led-new-development-bank-88126> (accessed 30.11.2016).
14. Altbach Ph. G., Basset R. M. Nix the BRICs – at Least for Higher Education Debate, *International Higher Education*, 2014, no. 77, pp. 2–5.
15. Wagner P. Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity Press, 2008. 296 p.
16. Eisenstadt S. Antinomien der Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 152 p.
17. Wagner P., Karagiannis N., eds. Varieties of World-Making. Liverpool University Press, 2007. 304 p.
18. Memorandum of Understanding on Establishment of the BRICS Network University, available at: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/documents/MoU_SU_BRICS.pdf (accessed 30.11.2016).
19. Goa Declaration at 8th BRICS Summit, available at: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27491/Goa+Declaration+at+8th+BRICS+Summit> (accessed 30.11.2016).

